

Биография М. А. Шолохова пока не написана. Предстоит еще многое открыть и осмыслить в этой великой трагической судьбе, сполна разделившей судьбу своего народа, вобравшей в себя муки и радости отлученного ей времени.

Ряд последних публикаций позволяет сегодня восстановить отдельные логические звенья в разрозненной цепи фактов, относящихся к концу 20-х и к 30-м годам, наиболее «белым пятнам» биографии писателя. Познакомим читателей с хроникой одного только 1929 года, отдаленного от нас шестью десятилетиями. Даже скудное изложение фактов и документальных свидетельств в их событийной последовательности впечатлительно воображение, дает ясное представление о том, сколь драматично складывалась творческая и личностная судьба писателя в самом начале его пути. «Год великого перелома», каким вошел 1929 год в историю Советского государства, оказался переломом и в жизни М. А. Шолохова.

Один год

жизни Шолохова

1929-й

В тот год ему исполнилось 24 года...
 Каким же был он тогда?
 К 1929 году Шолохов — уже известный писатель, автор двух книг рассказов и двух книг романа «Тихий Дон».

В январе—феврале 1929 года журнал «Октябрь», выполняя договорные обязательства, начал печатать продолжение романа «Тихий Дон» — третью книгу, посвященную, как известно, Венескому восстанию 1919 года. Основываясь на исторических документах и на живой еще памяти недавнего прошлого, Шолохов дал правдивый художественный рассказ о трагических событиях, происшедших на Верхнем Дону в конце 1918—начале 1919 гг., о причинах массового истребления казачества, о провокационной роли в этих событиях председателя Реввоенсовета республики Л. Троцкого и непосредственных исполнителей его «революционных» приказов, «вождей» Реввоенсовета Южного фронта и Донбюро РКП(б).

В мартовской книжке журнала печатаются X, XI, XII главы третьей книги романа. Последние страницы этой публикации заканчивались сценой митинга в станице Венеской осенью 1918 года, на котором трудовые казаки внимательно прислушиваются к воззваниям Советской власти, обещающим мир и прощение всем, кто прекратит вооруженную борьбу.

Мартовская публикация романа заканчивалась обычной пометкой редакции: «Продолжение следует».

Однако продолжения не последовало. Неожиданно в журнал поступило распоряжение от руководства РАПП приостановить печатание романа Шолохова, а рукопись срочно передать в правление писательской организации для изучения.

Что же случилось? Что необходимо было изучить в рукописи, которая шла полным ходом? Кому это понадобилось?

Из записей Е. Г. Левинской** конца 20-х годов: «Боже мой, какая подлая клеветка на Шолохова и по адресу автора С. Серьезных лицами, таинственно понижая голос, люди, как будто бы зловле «принципы» — писатели, критики — передавали «доверенные» истории: Шолохов, мол, украл рукопись у какого-то белого офицера — мать офицера, по одной версии, — приходила в газ. «Правда» — или в ЦК, или в РАПП и — просила защиты прав ее сына, написавшего такую замечательную книгу... На всех литературных перекрестках чернили и клеветали автора «Тихого Дона».

«Вакханалия клеветы», поднятая еще в 1928 году (в ходе публикации второй книги романа), достигла такого острого накала к марту 1929 года, что «стойко переносить» эту травлю уже было нельзя.

Писатель приезжает из Венеской в Москву с рукописями своих произведений — от «Донских рассказов» до набросков четвертой книги «Тихого Дона». Расследование «дела Шолохова» поручается комиссии в составе А. Серафимовича, А. Фадеева, В. Ставского и других. Горький, до которого в Сорренто дошли слухи об этой «непонятной истории», озабоченно спрашивал в своих письмах в Москву: «Дело Шолохова разъяснилось?».

29 марта 1929 года в «Правде» публикуется письмо писательской комиссии со следующим заключением (текст печатается почти полностью, так как его содержание не утратило актуальности и сегодня — Л. Б.):

«В связи с тем заслуженным успехом, который получил роман пролетарского писателя Шолохова «Тихий Дон», врагами пролетарской диктатуры распространяется зловещая клевета о том, что роман Шолохова является якобы плагиатом с чужой рукописи, что материалы об этом имеются якобы в ЦК ВКП(б) или в прокуратуре (называются также редакции газет и журналов).

Мелкая клевета эта сама по себе не нуждается в опровержении. Всякий, даже не искусственный в литературе читатель, знающий изданные ранее произведения Шолохова, может без труда заметить общие для них ранних произведений и для «Тихого Дона» стилистические особенности, манеру письма, подход к изображению людей.

Пролетарские писатели, работавшие не один год с т. Шолоховым, знают весь его творческий путь, его работу в течение нескольких лет над «Тихим Доном», материалы, которые он собирал и изучал, работая над романом, черновики его рукописей.

Никаких материалов, порочащих работу т. Шолохова, нет и не может быть в указанных выше учреждениях. Их не может быть и ни в каких других учреждениях, потому что материалы таких не существуют в природе. Однако мы считаем необходимым выступить с настоящим письмом, поскольку сплетни, аналогичные этой, приобретают систематический характер, сопровождая выдвигание почти каждого талантливого пролетарского писателя...

Чтобы непаздочно было клеветникам и сплетникам, мы просим литературную и советскую общественность помочь нам в выявлении «конкретных носителей зла» для привлечения их к судебной ответственности.

Как свидетельствует история, «конкретные носители зла» не только не были привлечены к судебной ответственности, но и по сей день не «выявлены». А «дело Шолохова», возникшее весной 1929 года и длившееся на протяжении всей жизни писателя, все еще не закрыто.

Версия о плагиате, как и другие доносы, сочинялась и подбрасывалась обществу теми, кто боялся разоблачений, кто пытался любимым

года, работал председателем сельсовета. В этом году имел в полторы десятны посева, лошадь, 2 быка, 1 корову, и 7 душ семьи, уплачивал налог единый сельскохозяйственный в размере 29 рублей, хлеба вывез 155 пудов (до самообложения чрезвычайной комиссией в размере 200 пудов, в четырехкратной замене 800 рублей). У него продали все, вплоть до сменного хлеба и курей. Забрали тягло, одежду, самовар, оставили только стены дома. Он приезжал ко мне еще с 2 красноармейцами. В телеграмме Калинин он прямо сказал: «Нас разорили хуже, чем нас разорили в 1919 году белые». И в разговоре со мною горько улыбался: «Те, — говорит, — хоть брали только хлеб да лошадей, а своя родимая власть забрала до нитки. Одежду у детиска вняли. Просил, купить хотел, взял бы денег взаимки. «Нет, — мол, денег нам не нужно, лови четырнадцать штук курей». Вот эти районы и дали банду. А что творилось в апреле, в мае! Конфискованный скот гио на станичных базах, кобылы жеребили, и жеребят пожирали свиньи (скот весь был на одних базах), и все это на глазах у тех, кто ночи недосыпал, ходил и глядел за кобылками... После этого и давайте говорить о союзе с середняком. Ведь все это продлевалось в отношении середняка».

средствами похоронить, скрыть от народа правду о событиях гражданской войны на Дону, об ошибках политики «расказначивания», граничащих с преступлением. Страх разоблачения был слишком реален в те годы — в партии завершился идейный разгром троцкизма, увенчавшийся высылкой в 1929 г. «демона революции» из пределов Советского Союза. Таким образом, молодой писатель с Тихого Дона, который избрал служение правде своим творческим и жизненным принципом, оказался в эпицентре политических страстей и страхов, направленных в те годы жизнь общества и отдельные человеческие судьбы.

В марте—апреле, во время пребывания Шолохова в Москве, в издательстве «Московский рабочий» выходит вторая книга «Тихого Дона» в серии «Новинки пролетарской литературы». В тонкой бумажной синей обложке с грифом «Российская ассоциация пролетарских писателей». Тираж — 10 тыс. экземпляров. Это было второе издание (первое вышло в «Роман-газете» с подзаголовком «Казачество на войне»). Молодой автор сделал тогда несколько автографов на книге для своих московских друзей.

Факт выхода книги был отрядным для молодого автора, но слишком мрачен искусственно созданными против него обстоятельствами.

В апреле Михаил Шолохов возвращается в Венескую с рукописью третьей книги романа в надежде «частично переработать» ее (по его собственным словам). Однако начавшаяся в стране осенью 1928 года кампания по хлебозаготовкам вилотную приближает к весне 1929 года к Верхнему Дону и надолго отвлекла писателя от творческого труда.

14 мая в письме к Е. Г. Левинской он сообщает: «Мое молчание объясняется тем, что я вот уже две с лишним недели как мотаюсь в поездах... Все это по делам не литературным, но весьма важным... Изъездил около 500 верст на лошадях, поздорел душой и телом...»

«Поздорел душой» — это после пережитого в Москве, но его душе предстояли новые испытания, теперь уже в родном краю.

Для оперативного проведения хлебозаготовок на Северном Кавказе, куда входила и Донская область, были объявлены «чрезвычайные меры» с усилением административного нажима на крестьянина. В районах, на местах, создавались так называемые «чрезвычайные тройки», которым предоставлялось право ареста за невыполнение приказаний начальства. Хлеб забирался не только у кулака, но и у середняка, и у совсем бедных крестьян.

Из письма Шолохова Е. Г. Левинской: «18 июня 1929 года... Венеская...»

... вот уже полтора месяца, как творятся у нас хорошие вещи. Я втянул в водоворот хлебозаготовок (литературу поболку), и вот вернусь, помогаю тем, кого несправедливо обижает, ездю по районам и округам, наблюдаю и шибко «скорблю душой».

Когда читаешь в газетах короткие и розовые сообщения о том, что беднота и середнячество нажимают на кулака и тот хлеб берет — неволью приходит на ум не очень лестное сопоставление! Некогда, в годы гражданской войны, белые газеты столь же радостно ведали о «победах» на всех фронтах, о тесном союзе с «освобожденным казачеством»...

А Вы бы взглядели, что творится у нас и в соседнем Нижне-Волжском крае. Жмут на кулака, а середняк уже раздался. Беднота голодает, имущество, вплоть до самоваров и посуды, продают в Хоперском округе у самого истога середняка, зачастую даже мало-мощного. Народ звереет, настроение подавленное, на будущий год посевной клин катастрофически уменьшился. И как следствие умело проведеного нажима на кулака является факт (чудовищный факт!) появления на территории соседнего округа оформившихся политических банд...

Мне не хочется приводить примеров, как проводили хлебозаготовки в Хоперском округе, как хозяйничали там районные власти. Важно то, что им (незаконно обложенным) не давали документов на выезд в край или Москву, запрещали почти принимать телеграммы во ВЦИК, а десятки людей ехали в Венескую (другой край Северокавказский), следи отсюда Калинин телеграммы, просили, униженно выпрашивали, а отсюда лаконичные стереотипные ответы: «Дело Ваше передано рассмотрению округа». Одна парень — казак хутора Скауляного, ушедший в 1919 году добровольцем в Красную Армию, прослуживший в ней 6 лет, красный командир — два года, до 1927

годы революции. Есть тут какой-то внутренний ход мыслей Сталина: «знаменитый писатель нашего времени» (такой оценки Шолохову еще никто не давал) и... «грубейшие ошибки»...

Интересный факт: сам писатель узнал о высказывании вождя о себе только через 20 лет, в 1949 году, когда вышел в свет 12-й том собр. соч. И. В. Сталина, где впервые было опубликовано письмо к Ф. Кону Шолохов, прочитав замечание о романе, сразу же написал Сталину, спрашивая, в чем суть «грубейших ошибок» и «неверных суждений» насчет Сырцова. Иосиф Виссарионович не ответил.

Несомненно, в 1929 году у Сталина возникли свои пронзительные мысли насчет Шолохова. Они укрепились в нем после известной встречи с писателем на даче Горького в Красное в июне 1931 года, когда решилась, наконец, судьба третьей книги «Тихого Дона» — вождь дал свое благословение на ее публикацию, приостановленную в марте 1929 г.

В июле-августе Шолохов по-прежнему много ездил по краю, занимается разбирательст-

вом фактов безаказности, защищает безвинно пострадавших, арестованных, сосланных, лишенных хлеба и крова. Он открыто проявляет свою нетерпимость к ретивым администраторам, засевшим в партийных и карательных органах.

Прослышав о заступничестве писателя перед властями, к Шолохову в Венескую потянулись отовсюду посетители, и двери его дома были открыты для каждого.

На работу за письменным столом оставалось очень мало времени. В одном из писем, датированном 31 июля 1929 г., читаем: «...завтра мне в 3 утра выезжать в Каринскую, есть такая станция на той стороне Дона, а сейчас 12, сижу, и перо падает из руки! Ночи короткие, и я хронически недосыпаю...»

Бывая в Ростове по делам земляков, писатель встречается с литературной общественностью, с читателями, которые спрашивают у него, когда будет напечатана третья книга «Тихого Дона». Шолохов открыто говорит о трудностях своей работы, в частности и о такой: «Трудность еще и в том, что в третьей книге я даю пока Венеского восстания, еще не освещенного нигде».

В августе поднимается новая волна атаки против романа и его автора. Сигналом к ней послужила статья Л. Тоома и бедняк в литературе», опубликованная в журнале «Молодая гвардия» (№ 15, 1929). «У нас делаются вредные и ненужные попытки, — заявлялось весьма категорично, — приписать роман Шолохова к пролетарской литературе». И далее доказывалось, почему этого нельзя делать: «...все образы романа, весь его стиль будут вполне понятны лишь тогда, когда мы усвоим, что он вырос на базе крепкого, устойчивого, мощного богатого уклада верхней прослойки казачества».

Так был выдвинут главный тезис новой «вакханалии клеветы»: «Шолохов — писатель не пролетарский». Это уже посерьезнее, чем обвинение в плагиате. Это уже политический компромат — его обсуждают на партийных собраниях.

В комфракции правления РАПП пытаются сфабриковать «Дело Шолохова в МКК» на беспартийного в том время писателя. Существует протокол № 23 заседания комфракции от 6 августа 1929 года, в котором фигурируют следующие формулировки: «идеализация кулачества и белогвардейщины», «Тихий Дон» парализует партийные документы, с которыми подходить к казачеству; роман Шолохова — это «воспоминание белогвардейца» и проч.

Высказано было предложение (на пленуме правления РАПП) «записать в своих решениях о необходимости для Шолохова переместить место жительства, переехать в рабочий район».

Но прежде чем принять окончательное решение, «вождям» РАПП (и их влдохнителям) надо было заручиться общественным мнением. Надо было убедить публику, внушить ей, что «Шолохов — писатель не пролетарский», в рапповские критики проявили инициативу, организовали в сентябре 1929 г. в Москве широкую дискуссию по роману «Тихий Дон», где прозвучали в полном наборе политические обвинения.

Далеко от Москвы и от Венеской, в Новосибирске, в местном журнале «Настоящее» (№ 8—9, 1929) появляется статья под таким крикливым заголовком: «Почему «Тихий Дон» понравился белогвардейцам?» Прослышав о ней, Шолохов просит своих московских друзей разьяснить и прислать ему это «Настоящее», чтобы самому узнать, почему же его роман понравился белогвардейцам и почему такие вопросы возникают в далеком Новосибирске: «Очень интересно, чем же я понравился белым в освещении левых сибиряков» (сентябрь 1929 г.).

А когда прочитал статью, возмутился откровенным заступничеством. Оказывается, без его ведома белоэмгрантское издательство «Петрополис» напечатало роман «Тихий Дон». Статья заверяла читателей, что «Тихий Дон» понравился белогвардейцам своей «кулацкой психологией», отсутствием классового подхода и «враждебностью» к пролетариату.

Не успели в Новосибирске закончить публикацию, как 8 сентября в Ростове в молодежной газете «Большевистская смена» появилась статья Н. Прокофьева, главное обвинение которой состояло в том, что писатель, покровительствуя якобы кулакам и церковни-

кам, пытается отторгнуться от советской действительности «ставнами собственного дома».

Возмущенный Шолохов едет в Ростов искать правду в крайком партии, в писательской организации.

3 октября 1929 года он пишет Фадееву:

«У меня этот год весьма урожайный: не успел весной избавиться от обвинения в плагиате, еще не отгнетели руды той сплетни, а на носу уже другая... Тебе известна статья Прокофьева в «Большев. смене», по поводу этой статьи я и нахожусь сейчас в Ростове. Со всей решительностью заявляю, что обвинения, выдвинутые против меня Прокофьевым, — ложь, причем заведомая ложь...»

...После окончания этой мурсы я подаю в Венескую яичку заявление о вступлении в партию. Говорил по этому поводу со своим сек. окружкома, тот говорит, что мы спросим у фракции РАППа, Вам придется написать на сей счет окружкому...»

14 октября Шолохов отправляет из Венеской письмо Е. Г. Левинской, полное боли и решимости идти до конца в защите собственного человеческого и писательского достоинства:

«Молчание мое объясняется моим отсутствием. Был в Каменской (вторично), оттуда поехал в Ростов и вот только вернулся. На меня свалилось очередное «несчастье». Не знаю, насыпаны ли Вы об этом, или нет, но мне хочется рассказать Вам. Один литературный подлец (это мягко выражаясь), сотрудник краевой комс. газеты «Большев. смена», летом был в Вешках, собрал сплетни, связав с моим именем, и после пыльного дела выступил в газете с сенсационными разоблачениями по моему адресу... Точно говорить обо всем этом... Из-за этого бросил работу, поехал в Ростов. Да, я сейчас послал письмо в редакцию, где категорически опровергаю эти вымышленные факты, но редакция не печатала письмо 2 недели до моего приезда. Меня автор этой гнусной статьи обвинил в заступничестве кулакам, и еще черт знает в чем. Я потребовал расследования этого дела. Провата на моей стороне! Но в данный момент важно не то: меня сознательно и грязно оклеветали в печати, мне не надо высказываться и разьяснять чистоту сущности этого дела: причем очень любопытная деталь: на мой вопрос, почему редакция не напечатала моего письма, — мне ответили: «А вот расследуйте и тогда напечатаете». Но почему же сказали, не расследовали, а напечатали? Евгения Григорьевна С меня хвяти... Откуда у меня могут быть гарантии, что через неделю, с таким же правом и с такой же ответственностью, не появится еще одна статья, которая будет утверждать, что я бывший каратель или еще что-либо в этом духе; и мне снова придется надолго бросать работу и ехать, бегать по учреждениям, редакциям; доказывать, что я подлинно не верблюд. Скрепя сердце я берусь за перо, но о какой же работе может идти речь? Со дня на день жду товарища из Ростова (члену крайкома Макареву, ска по поводу, поручили расследовать эту чертовщину), его все нет, а грязный ком пухнет, как и тогда весной, а сплетня гуляет по краю и, может быть, проникла уже в Москву.

Вы не думайте, что я жалуюсь, нет, мне хочется рассказать Вам про обстановку, в какой мне везло дописывать 3 книгу. Я зли, чтобы жаловаться и искать утешения. Да и с какого патера и почему должен быть мягким? Мало на меня вылили помой, да еще столько ли выльют? Ого! Давайте бросим про это. У меня так накопилось и такие ядреные слова просятся с губ, что лучше уж замолчать мне...»

Шолохов прекрасно понимает мотивы нового «дела» против него. Он собщает друзьям, что «доброжелателей» у него немало прибавилось и они только ищут повода, чтобы разделиться с ним. К прежним «доброжелателям», которые боялись разоблачений за ошибки и преступления в гражданскую войну, добавились те, которым писатель крепко «насол» в хлебозаготовительную кампанию. Ему было известно, что партийные органы и органы ОГПУ получают доносы на него, обвинения в пособничестве кулакам, в «антисоветской» пропаганде и др. Но Шолохов не предпологал, что эта новая клевета приобретет такой общественный размах и такую острую политическую окраску.

Он требует публичного расследования. Требуя слова защиты в печати. Вот его письмо в редакцию журнала «На подьеме» в октябре 1929 года:

«Тов. редактор!

В № 206 «Большевистской смены» автор статьи «Творцы чистой литературы» Н. Прокофьев обвиняет меня в пособничестве кулакам... и в качестве иллюстрации приводит несколько «фактов»: обвинения эти лишены всякого смысла...

Категорически отменяю это ни на чем не основанное, ложное обвинение, я требую расследования «фактов», приведенных в статье Прокофьева.

Что касается обвинений личного порядка, то я оставляю право за собой вернуться к этому вопросу после того, как будет произведено расследование».

Правление Северо-Кавказской ассоциации пролетарских писателей провело специальное расследование.

5 ноября газета «Большевистская смена» опубликовала лаконичное сообщение СКАПП под заголовком: «Против клеветы на пролетарского писателя». «Правление СКАПП провело расследование на месте указанных в статье Н. Прокофьева фактов и заявляет, что выдвинутые против тов. Шолохова обвинения являются гнуснейшей клеветой и при расследовании ни одно из этих обвинений не подтвердилось».

Такое же сообщение дал и журнал «На подьеме» (№ 11, 1929).

Краевой комитет партии принял по этому вопросу решение, в котором строго указывалось на то, что газета «Большевистская смена» допустила «политическую ошибку», опубликовав статью Н. Прокофьева.

Так закончилось второе «дело», организованное против Шолохова.

Заканчивался 1929 год. Писатель отдал себе ясный отчет в том, что самая трудная борьба впереди — за третью книгу романа «Тихий Дон», за утверждение своей позиции художника, гражданина, человека.

Осенью 1929 года произошла смена редакторов в журнале «Октябрь»: ссылаясь на ухудшившееся здоровье, попросил отставку А. Серафимович, и дела ответственного редактора принял А. Фадеев. Теперь судьба третьей книги «Тихого Дона» во многом зависела от позиции нового редактора.

В декабрьском номере журнала «На подьеме» дал новогоднее сообщение своим читателям: «Тов. Шолохов Мих. заканчивает третью книгу «Тихого Дона».

Людмила БЕЛОВА.

Ростов-на-Дону.

● Автор получил первые экземпляры «Тихого Дона». Станица Венеская.

● М. Шолохов со станичниками. Начало тридцатых годов.

* Первая книга романа публиковалась в «Октябре» в январе — апреле, вторая — в мае — октябре 1928 г. В июне того же года в изд. «Московский рабочий» отдельным изданием вышла в свет первая книга романа.

** Заведующая отделом изд-ва «Московский рабочий» в 1926—1929 гг. познакомилась с М. А. Шолоховым в мае 1928 г., когда готовилась к изданию первая книга романа «Тихий Дон».